

УДК 81'282.2/373.21

ЛЕКСИКА ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ЦВЕТ» В НАРОДНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ ПЕРМСКОГО КРАЯ И ЭРГОНИМАХ г. ПЕРМИ (лингвокультурологический аспект)¹

Мария Владимировна Богачева

к. филол. н., доцент кафедры общего и славянского языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. bomaripgu@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос о специфике функционирования цветowych обозначений в традиционной народной и современной городской культуре. Работа выполнена на материале диалектной фразеологии Пермского края и эргонимов (наименований деловых организаций) г. Перми. Выявлено изменение лексического наполнения тематической группы «Цвет», фиксируемой в воспроизводимых номинациях (фразеологизмах и именах собственных); наблюдается актуализация иноязычной лексики, в т.ч. варваризмов; перераспределение функциональной нагрузки между номинациями различных цветов и их оттенков. Сделаны выводы о подвижках в языковой картине мира современных носителей русского языка.

Ключевые слова: лексикология; диалектная фразеология; ономастика; эргоним; лингвокультурология; колоратив; тематическая группа.

Лексика, связанная с названиями цветов, привлекает к себе неухающий интерес исследователей. Во-первых, цветовая характеристика – одна из элементарных, универсальных в природе, и это упрощает выделение, структуризацию, систематизацию, интерпретацию формируемых тематических и лексико-семантических групп, способствует четкости очертаний их границ. Во-вторых, колористическая лексика вследствие тесной связи с предметным миром достаточно легко «переживает» процессы полисемантизации (посредством метафоризации, метонимизации). В-третьих, благодаря тому что цветообозначения непосредственно соотносятся с понятиями интенсивности, насыщенности, в любом языке они способны выражать оценочность. В-четвертых, большинство таких единиц имеют древнее происхождение, входят в культурные семиотические системы, выступают компонентами мифологических и культовых систем, превращаются из элементарных характеристик объектов действительности в средство морально-этической оценки. Цветовые характеристики, как следствие, – это информативно насыщенные лингвокультурологические знаки, которые характеризуются как

наличием универсалий, так и национальной специфичностью.

Колористическая лексика интересна в любом ракурсе: денотативном, сигнификативном, коннотативном, лингвокультурологическом, этнолингвистическом. Проблема исследования цветообозначений поднималась в классических трудах Б.Берлина и Дж.Кея, Л.Ельмслева, Дж.Лайонза, Д.Оливье, Э.Рош, Г.Хейдера. В отечественном языкознании как наиболее глубокие следует отметить исследования Н.Б.Бахилиной, А.П.Василевича, Т.И.Вендиной, А.А.Залевской, Ю.Н.Караулова, В.Г.Кульпиной, Н.И.Толстого, Н.В.Уфимцевой, Р.М.Фрумкиной и др.

Значительное количество работ посвящено изучению лексики тематической группы «Цвет» в культурно-семиотическом аспекте, обычно на материалах, отражающих традиционные народные представления о смысловом наполнении колорем (в иной терминологии – колоративов). Наш интерес вызвал вопрос о сдвигах в современной лингвокультурной (прежде всего городской) системе, которые, полагаем, неизбежны в условиях социальных катаклизмов, сотрясающих российское общество уже около века. В данном случае целесообразно сопоставить воспроизво-

димые элементы номинации, характеризующиеся устойчивостью формы (структуры) и смыслового (в том числе семиотического) наполнения: они способны «консервировать» разного рода информацию, актуальную для языковой картины мира создателей в момент возникновения соответствующей устойчивой единицы, в том числе в периоды ее трансформаций. Мы выбрали для сопоставления народную фразеологию и городские эргонимы (эргоним – собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка [Подольская 1978: 166]) с цветовыми компонентами.

По нашему мнению, лишь на первый взгляд такие языковые единицы могут показаться разнородными и несопоставимыми. Фразеологию и эргонимы объединяет целый ряд признаков: воспроизводимость, раздельнооформленность, постоянство компонентного состава и устойчивость грамматической структуры (в эргонимии даже в большей степени, поскольку наименование должно однозначно соотноситься с называемой организацией), дифференцирующая функция (в онимах она осложнена функцией идентифицирующей), актуализация культурно-семиотических смыслов (имена собственные оказываются выразителями лингвокультурной информации в особых – рекламных, прагматических – целях).

Отсюда цель настоящей работы – сопоставить воспроизводимые элементы народной речевой культуры (здесь – ФЕ) и современной городской речевой культуры (здесь – эргонимы), включающие цветовые компоненты, в лингвокультурологическом аспекте, с тем чтобы выявить подвижки в современном языковом сознании.

Оговорим материалы и источники исследования. При сборе народных фразеологизмов методом сплошной (фронтальной) выборки обработаны диалектные словари (и их картотеки) Пермского края (см. список литературы). В пермских говорах зафиксировано более 6000 устойчивых выражений (указанное количество условно, поскольку, например, состав аспектного «Фразеологического словаря пермских говоров» – более 5000 единиц, но иные словари насыщены не отраженными здесь материалами). В их числе выявлено около 200 оригинальных фразеологических единиц (ФЕ), которые включают в качестве обязательного компонента производное наименование цветовой характеристики; это приблизительно 3% общего количества ФЕ.

При сборе эргонимов методом сплошной вы-

борки обработан электронный справочник «Желтые страницы СНГ – бизнес-справочник предприятий» (данные 2009 и 2011 гг.). Обнаружено, что из более чем 36 000 представленных там наименований предприятий г. Перми 132 оригинальных эргонима включает в свой состав цветообозначения. Вычисляем их удельный вес относительно общего количества (132 : 36000) и получаем всего 0,0037%.

В обоих случаях констатируем низкую частотность колорем. Полагаем, объяснение данного факта вытекает из абстрактности цветовых обозначений, в то время как ФЕ обычно формируются на базе предметных образов, а эргонимы обозначают конкретные деловые организации, и редкие из них устойчиво связаны с цветовой символикой (как, например, аптеки, обозначаемые красным крестом на белом фоне). В то же время частотность народных фразеологизмов с такими компонентами ощутимо выше (примерно в 1000 раз). Этот факт, по нашему мнению, необходимо объяснять изменениями в языковой картине мира горожан в современном потребительски ориентированном обществе, где представления о ценности предметов в большей степени связываются с их качествами, нежели с визуальными характеристиками.

При отборе материала учитывалась семантика и частеречная принадлежность единиц: привлекались непосредственные наименования цветов, выраженные лексемами в прямом и переносном значении в форме существительных и прилагательных (*аквамарин, алый, белый, бронза* и т. д.).

В рамках настоящего исследования мы посчитали целесообразным включить в область изучения не только видовые, но и родовые понятия, связанные с центральным понятием. Тем самым лексико-семантическая группа «Цветообозначения» сознательно расширена до тематической группы (ТГ) «Цвет». Как следствие, в сферу внимания попали: 1) ФЕ и эргонимы с лексемами, обозначающими основные цвета, типа *белый, красный, серый* и т. п.; 2) ФЕ и эргонимы с лексемами, обозначающими оттенки основных цветов, типа *аквамарин, сиреневый, пурпур, сивый, бурый, бусый* и т. п.; 3) ФЕ и эргонимы с лексемами, обозначающими родовые понятия в данной группе, типа *цвет, колор*; 4) ФЕ и эргонимы с лексемами, указывающими на часть спектра, интенсивность цвета и др., типа *пёстрый, тёмный, тусклый, цветной*; 5) ФЕ и эргонимы с лексемами узкого употребления (ср.: *колор* ‘в живописи – цвет краски, ее тон, густота,

насыщенность, степень яркости // цвет, оттенок' [БАС: VIII, 226], *колорит* 'система, совокупность, характер цветовых сочетаний в многокрасочном произведении искусства (картине, цветной гравюре, цветном рисунке и т. п.) // цвет, оттенок, тон какого-л. цвета', 'совокупность особенностей, своеобразие чего-л.' [БАС: VIII, 257]; *палитра* 'о подборе красок, цветов в живописи, картине, сочетании цветов и цветовых оттенков при изготовлении красок' [ССРЛЯ: IX, стб. 62] и др.). Полагаем, такой подход позволяет прийти к более значимым выводам.

Особо оговорим то, что из поля зрения не исключались фразеологические единства и выражения, в которых использовались колоремы в интересующем нас значении, даже если сама устойчивая единица демонстрирует переосмысление образа, легшего в ее основу, ср.: *белые комары* 'первый снег', *выше серой собаки* 'о комлибо злом, властном', *красный карасик* 'возглас неодобрения', *синяя болезнь* 'бессонница' (номинация, вероятно, связана с представлением об изменении цвета кожных покровов, появлении так называемых синяков под глазами при недосыпании), *цветное место* 'красивое, живописное место' и под.

Во внимание не принимались: 1) производные лексемы со стертой цветовой семантикой, ср.: *белыши выворачивать* 'удивляться', где *белыши* – глаз; *желтушная трава* 'череда' – растение, которое использовалось для лечения золотухи; *переть чернуху* 'выдавать за правду что-либо трагическое, страшное', под.; 2) ФЕ, лишь косвенно, отдаленно связанные с обозначением цветовой характеристики, не включающие колоративных компонентов, ср.: *румяна вставлять* 'быть сильным, крепким (о морозе)', где в основе оборота лежит представление об изменении цвета кожных покровов при низкой температуре (характерно, что в словарях дается иная дефиниция – 'румянить щеки (о морозе)'); 3) лексемы, не выражающие цветовой семантики: *Gold hands*, *Золотые времена* и под.; 4) лексемы, лишь косвенно связанные с обозначением цвета: *Меланж* (*меланж* 'пряжа или ткань из смешанных, различных по выделке, качеству, окраске волокнистых материалов' [БАС: X, 31], *Past'el* (*пастель* 'мягкие цветные карандаши для живописи; рисунок, выполненный такими карандашами; техника живописи, основанная на применении таких карандашей' [ССРЛЯ: IX, стб. 270]).

Считаем, подобные ФЕ нуждаются в особом исследовании с иными задачами. Так, производные единицы могут привлекаться в качестве со-

поставительного материала при анализе общих и частных закономерностей. В нашем же случае учет подобных единиц привел бы к неоправданному расширению границ и размыванию задач работы.

Представим наиболее значимые для настоящего исследования наблюдения.

Яркий, лежащий на поверхности признак существенных подвижек в мировоззрении современного горожанина – лексическое наполнение ономастических единиц. В группе эргонимов обращает на себя внимание обилие варваризмов, в том числе воспроизводимых средствами русской графики. Эта тенденция не нова в современной эргонимике, и, отбирая материал для исследования, мы посчитали возможным рассмотреть наравне с лексикой собственно русского происхождения и названия с иноязычными обозначениями типа *Green City* 'зеленый город' (англ.) или *Pur pur*, где вероятна игра слов: '1) пурпурный', '2) беспримесный, настоящий; чистый-чистый (фр.)'. Основанием служит функциональность разноязычной лексики в пределах эргонимов. Покажем это на примере графических приемов передачи названия.

При оформлении эргонимов используются, главным образом, средства кириллического письма, причем даже при воспроизведении варваризмов (*Грин Групп Пермь*, *Гринлайн*, *Грин Сервис*, *Грин Три*, *Ак Барс Страхование*). Обращение к латинице также имеет место (*Black and White*, *Bronza*, *Orange Bussiness Services*, *Spectrum*, *Golden Club*). Еще одна разновидность – комбинированный тип, сочетание кириллических и латинских букв (*Колер-салон Du Pont III Пьянкова*; *Green Life*, *ателье-студия*; *Indigo*, *типография*).

Несомненна функциональность трех различных способов оформления названий. Безусловно, что это средство обращения к фоновым знаниям и представлениям потенциального клиента, в сознании которого латиница и иноязычные лексемы неразрывно связываются с понятиями «Европа» и «Запад», а через них – с представлениями о высоком качестве (товаров, обслуживания), длительности традиций, высоком уровне организации, заставляют потенциального клиента предположить, что это частный представитель (филиал) разветвленной иностранной сети, и т. п.

Таким образом, эргонимы отражают ориентацию современной культуры на европейскую. Это тенденция, которая возникла и активно культивировалась в русском обществе с эпохи Петра I, а со временем и привела к разительным расхож-

дениям в мировидении русского крестьянина и горожанина, к столь резкому противопоставлению города и деревни, не свойственному даже и европейцам, на которых ориентировались россияне².

Рассмотрим далее лексическое наполнение поля «Цвет» в народной фразеологии и в эргонимии.

Центральное понятие цветовой характеристики предметов, пронизывающее всю структуру поля, в народной фразеологии выражено двумя основными лексемами, репрезентации которых единичны: *цвет* (1), *краска* (3) (ср.: *одним цветом* 'о ком-, чем-либо сходном, не имеющем различий', *в краски играть* 'детская игра', *вогнать в краску* 'пристыдить, заставить покраснеть', *взяться в краску* 'окраситься в какой-либо цвет'). Возникновение значения 'цвет' у лексемы *краска* связываем с предметной деятельностью крестьянина; показательно здесь количественное преобладание ФЕ с этим компонентом над ФЕ с лексемой *цвет*.

Аналогично представлена лексика данной группы в городской эргонимии, где выявлены лексемы *колор* (5) и *цвет* (5), всего 2 единицы, 10 употреблений (ср.: *DE COLOR, Интерколор Пермь, Колор-Пермь, Колортех, Текс-колор Пермь; Автоцвет Хемп, Ваш цвет, Интерцвет, Территория цвета, Цветком*). Возникновение здесь варваризма естественно по указанным выше причинам.

Полярна первой группе, но соотносима с ней по количественным показателям периферийная группа ФЕ: *пёстрый* (2), *тёмный* (1), *тусклый* (1), *цветной* (1) (ср.: *пёстрая неделя* 'неделя, предшествующая масленичной', *пёстрое говинье* 'время нестроного поста, когда в определенные дни разрешена молочная пища и рыба'; *до тёмной зари* 'допоздна'; *тусклые глаза* 'о плохом зрении'; *цветное место* 'красивое, живописное место'). Лексика данной группы характеризуется переосмыслением прямого «цветного» значения, она апеллирует к понятиям «разнообразный» и «неинтенсивный по своим проявлениям».

Иначе представлена эта группа и в эргонимии. Здесь отсутствуют лексемы, которые указывали бы на часть спектра, интенсивность цвета и др. Группа представлена обозначениями, преимущественно указывающими на разнообразие предлагаемых организацией услуг: *спектр* (7), *колер* (6), *колорит* (3), *палитра* (2), *полицвет* (2), *цветной* (1), *спектрум* (1), *спектрон* (1) (ср.: *Автоспектр, Спектр, Спектр-2, Спектр-ВАЗ,*

Спектр-Рено; Du Pont, колер-салон; автоэмали «Du Pont», колер-салон; Колорит, Колорит-авто; Палитра, колер-салон; Полицвет, Полицвет-сервис; Пермские цветные металлы, Spectrum, Спектрон).

Отметим, во-первых, что это составляет 16% изучаемых наименований организаций vs. 0,4% в народной фразеологии. Во-вторых, на данных примерах наблюдаем утрату связи с конкретными обозначениями; характерно, что нередко подобные лексемы выступают в терминологической (в определении Т.П.Романовой [Романова 2005: 217]) части наименования, т.е. при указании родовой принадлежности организации. Полагаем, большая актуальность таких единиц в эргонимии определяется характером номинируемых, преимущественно коммерческих, объектов, здесь это способ привлечения возможно большего количества покупателей. В народной же фразеологии при выражении значения 'много', 'в большом количестве' чаще актуализируются предметные понятия, ср.: *куры не клюют, как собак нерезаных, выше крыши* и под. В-третьих, в отличие от ФЕ в этой группе не актуализирована характеристика «интенсивность проявления каких-либо свойств предмета». В-четвертых, здесь обильны новообразования. В-пятых, присутствуют варваризмы. В-шестых, репрезентована не только общерусская, но и специальная лексика, отражающая направленность деятельности конкретного предприятия. Данные различия объясняем сферой употребления ФЕ и эргонимов: если первые общеизвестны и соотносятся преимущественно с общеизвестными представлениями, то вторые выполняют, в частности, рекламную функцию и адресованы обычно узкой целевой аудиторией.

В итоге отмечаем изменение функциональной нагруженности лексики периферии.

Общим же для народных ФЕ и городских эргонимов (и вполне предсказуемым) является то, что исходные лексемы, удаленные от ядра поля, с объектом номинации обычно связаны лишь косвенно, ср.: *пёстрая неделя* 'неделя, предшествующая масленичной' – время, когда разрешается употреблять разнообразную пищу, *до тёмной зари* 'допоздна', *цветное место* 'красивое, живописное место', *Колорит* как название салона красоты, *Колорит-авто* как название автосервиса, *Палитра* как название закусочной.

Группу обозначений основных цветов в ФЕ составляют: *белый* (42), *красный* (41), *чёрный* (37), *синий / синенький* (19), *зелёный* (13), *серый* (8), *жёлтый* (4), *голубой* (2), *розовый* (1) (ср.:

белые комары 'первый снег', *белый лук* 'чеснок', *красный карасик* 'возглас неодобрения', *красный горшок* 'неглазурованный глиняный сосуд', *чёрная брага* 'напиток из ржаного солода', *в чёрную границу заехать* 'достигнуть преклонного возраста', *синяя болезнь* 'бессонница', *зелёное обличье* 'алкоголик', *выше серой собаки* 'о ком-либо злом, властном', *жёлтая трава* 'ветреница лютичная', *голубой городок* 'кладбище', *розовая трава* 'какая?'). Группа ожидаемо является наиболее многочисленной (167 единиц, 84%).

Кроме того, в ФЕ представлены обозначения следующих оттенков основных цветов: *черёмный* (5), *золотой* (3), *бусый* (2), *алый* (1), *бурый* (1), *лазоревый* (1), *седой* (1), *сивый* (1) (ср.: *черёмная рожь* бран., *золотая зорька* 'травянистое лекарственное растение (какое?)', *не бусый не лысый* 'в неопределённом состоянии', *дедушка Алый* 'леший', *как бурые волки* '(работать) напряженно, не покладая рук', *лазоревого цветка* 'луговой цветок купавка', *седая куна* 'не вышедшая замуж женщина; старая дева', *красивый как мерин сивый* 'о некрасивом человеке'). Они формируют группу из 15 ФЕ, т.е. 7% единиц.

Видовые наименования входят в состав 60 эргонимов (44%): *зелёный* (20, в т.ч. 9 – *green / grin*), *белый* (19, в т.ч. 2 – *ак* (башк.), 1 – *white* (англ.)), *чёрный* (7, в т.ч. 1 – *black* (англ.)), *оранжевый* (5, в т.ч. 2 – *orange*, 1 – *оранж*), *красный* (6), *синий* (3) (ср.: *Green life*, *Грин групп Пермь*, *Гриндом*, *Зеленая поляна*, *Зелёный мир*; *Ак барс банк*, *Белая акула*, *Белая леди*, *Белый клык*, *Белый лотос*, *Black and white*; *Черная пантера*, *Чёрный квадрат*; *Orange*, *Оранжевое настроение*, *Оранжевое солнце*; *Красная гора*, *Красный Октябрь*, *Пермское отделение Российского общества Красного Креста*; *Синий кот*, *Синий крест*, *Синяя утка*).

Наименования оттенков в эргонимии чаще единичны по употреблению, но еще более многочисленны: *золотой* (17), *бронза*, *серебряный* (по 3), *алый*, *рыжий*, *седой*, *индиго* (по 2), *пурпур* (*purpur*), *аквамарин*, *лазурь / лазурный*, *сиреневый* (по 1) (ср.: *Золотая радуга*, *Золотая соломка*, *Золотой улей*; *Серебряное озеро*, *Серебряный дождь*, *Серебряный свет*; *Алые паруса*; *Рыжая ворона*, *Рыжий кот*; *Седой Урал*; *Indigo*, *Индиго*; *Pur pur*; *Аквамарин*; *Лазурь*, *Лазурный Берег*; *Вронза*, *Бронза*, *Студия Бронза*; *Сиреневый туман*). 37 единиц составляют 27%.

Интерес именно к видовым понятиям объяс-

няется, прежде всего, их функциональной нагруженностью, а именно: наличием определенных семиотических связей, лингвокультурологических привязок, способностью входить в концептосферу русского языка, шире – наличием признаков универсалий в различных языковых системах. В частности, в эргонимии это проявляется в большей способности индивидуализировать наименование и более четко отражать специфику организации. Показательно при этом, что и лексемы, отнесенные нами к родовым (*цвет*, *кolor*), в рамках эргонимов также приобретают характер индивидуализирующих, а не терминологических компонентов: они входят в названия либо организаций, занимающихся покраской автомобилей, либо типографий.

Учет частотности употребления колорем в народной фразеологии дает следующий ряд: *белый* (42), *красный* (41), *чёрный* (37), *синий / синенький* (19), *зелёный* (13), *серый* (8), *черёмный* (5), *жёлтый* (4), *золотой*, *краска* (по 3) *голубой*, *бусый*, *пёстрый* (по 2), *цвет*, *тёмный*, *тусклый*, *цветной*, *розовый*, *алый*, *бурый*, *лазоревый*, *седой*, *сивый* (по 1). Здесь можно обозначить 3 основные группы: первую составят наименования цветов, зафиксированные 37-42 раза (3 единицы), вторую – зафиксированные 3-19 раз (7 единиц), третью – единично употребленные (12 единиц). Их количественное соотношение – 120 : 55 : 16, т.е. 63% : 29% : 8%.

Расположив по убывающей цветовые компоненты эргонимов, получаем: *зелёный / grin* (20), *белый / wight* (19), *золотой* (17), *спектр*, *чёрный* (по 7), *колор*, *красный* (по 6), *кolor*, *оранжевый / оранж / orange*, *цвет* (по 5), *бронза*, *колорит*, *лазурь / лазурный*, *серебряный*, *синий* (по 3), *алый*, *жёлтый*, *индиго*, *палитра*, *полицвет*, *розовый*, *рыжий*, *седой* (по 2), *аквамарин*, *бирюза*, *пурпур*, *сиреневый*, *спектрон*, *цветной* (по 1). Таким образом, намечается три основные группы исследуемых наименований. Первую составляют эргонимы с компонентами, использованными в названиях 17-20 раз, всего 56 названий. Ко второй относим «цветовые компоненты», использованные в 3-7 наименованиях, всего 56 единиц. Третья группа – цветовые понятия, употребленные 1-2 раза, всего их 23. Группы соотносятся как 50:50:20, т.е. как 41% : 41% : 18%.

Для большей наглядности данные сведены в сопоставительную таблицу.

**Частотность употребления цветových компонентов в народной фразеологии
и в городской эргонимии**

Цветовые компоненты во фразеологизмах	Цветовые компоненты в эргонимах
<p><i>белый</i> (42), <i>красный</i> (41), <i>чёрный</i> (37),</p> <p><i>синий / синенький</i> (19), <i>зелёный</i> (13), <i>серый</i> (8), <i>чёрёмный</i> (5), <i>жёлтый</i> (4), <i>золотой</i> (3), <i>краска</i> (3)</p> <p><i>голубой</i> (2), <i>бусый</i> (2), <i>пёстрый</i> (2), <i>цвет</i> (1), <i>тёмный</i> (1), <i>тусклый</i> (1), <i>цветной</i> (1) <i>розовый</i> (1) <i>алый</i> (1), <i>бурый</i> (1), <i>лазоре- вый</i> (1), <i>седой</i> (1), <i>сивый</i> (1)</p>	<p><i>зелёный / грин</i> (20) <i>белый / wight</i> (19) <i>золотой</i> (17)</p> <p><i>спектр, чёрный</i> (по 7) <i>колор, красный</i> (по 6) <i>колор, оранжевый / оранже / orange, цвет</i> (по 5) <i>бронза, колорит, лазурь / лазурный, серебряный, синий</i> (по 3)</p> <p><i>алый, жёлтый, индиго, палитра, полицвет, ро- зовый, рыжий, седой</i> (по 2) <i>аквамарин, бирюза, пурпур, сиреневый, спек- трум, спектрон, цветной</i> (по 1)</p>

В соответствии с выводами Б.Берлина и П.Кея, изложенными в ставшем классическим труде «Основные цветové термины» [Берлин, Кей 1969], существует 11 цветов, регулярно актуализируемых в языках различных типологий: *белый, чёрный, красный, зелёный, жёлтый, синий, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый, серый*. Иными словами, это ряд спектральных и некоторых неспектральных (*белый, чёрный, коричневый, серый, розовый*) цветов. Национальную специфику русской культуры определяет отнесение к основным также голубого цвета, отсутствующего в указанном ряду среди базовых.

С этих позиций отметим следующее. В народных фразеологизмах представлены все базовые наименования цветов. Из них ядерные – два ахроматических (*белый, чёрный*) и один хроматический, причем наиболее насыщенный из всех спектральных (*красный*). Второй слой образован наименованиями цветов, которые и в спектральном ряду занимают срединные позиции, а также колоремой *серый*. Показательным считаем и то, что *розовый* и *бурый* (как оттенок коричневого), имеющиеся в числе базовых, но отсутствующие в числе спектральных, в традиционном народном представлении также отходят к периферии, а *фиолетовый* отсутствует совсем.

Любопытно, насколько соотносятся наши наблюдения с выводами исследователей, обращавшихся к данным иных эпох. Так, например, Н.Б.Бахилина указывает, что в древнерусском языке «...различаются основные цвета: белый,

чёрный, красный, синий, жёлтый, зелёный, некоторые оттенки синего (зекрый) и жёлтого (плавый), а также некоторые смешанные (сизый, серый, рыжий)» [Бахилина 1975: 23]; далее количество зафиксированных цветообозначений естественным образом увеличивается, добавляются лексемы *коричневый, серый, пёстрый*. С этими фактами коррелируют показатели, справедливые для изученных ФЕ; ср. при объединении основных цветов и их оттенков: *белый / седой* (43), *красный / алый* (42), *чёрный* (37), *синий / синенький / голубой / лазоревый* (22), *зелёный* (13), *серый / сивый / бусый* (11), *жёлтый / золотой* (7), *чёрёмный* (5), *пёстрый* (2), *бурый* (1), *розовый* (1), *тёмный* (1), *тусклый* (1), *цветной* (1). Так в древних письменных текстах и в живой народной речи отражаются традиции языковой культуры.

В эргонимах при обозначении базовых цветов активно используются опосредованные наименования – неспектральные колоремы (жёлтый обозначается лексемой *золотой* и лишь единично *жёлтый*, голубой – *лазурь / лазурный*, коричневый – *бронза*, оранжевый – *оранжевый*, а также лексемой *рыжий* и др.). При этом наблюдается «спектральное» смещение: в центре оказываются названия цветов из срединной части спектра (*зелёный, золотой*) и одного ахроматического (*белый*). Отличается и набор второго плана: обнаруживаются колоремы *чёрный, серебряный, оранжевый, красный, синий*. Периферия организована аналогично традиционной цветовой структуре, отраженной во фразеологизмах. *Розо-*

вый, бронза (как оттенок коричневого) тоже единичны. Понятие о *фиолетовом* репрезентовано в лексемах *пурпур (purpur)* и *сиреневый*.

Отметим также следующее отличие: если наполнение тематического поля «Цвет» в народной картине мира, отраженной в ФЕ, поступательно (максимальная плотность словоупотреблений при минимальном количестве лексем в центре, наоборот – на периферии), то в эргонимии наблюдаем размывание границ между уровнями.

Охарактеризуем цветовую палитру в целом.

Ядро колорем в ФЕ образует традиционная триада «белый – красный – черный». Несколько менее употребительны единицы, называющие зеленый и оттенки желтого цвета, которые и традиционно выступают в народной культуре как близкие обозначения. Например, и зеленый, и желтый в свадебных приговорах используются в коллективных детских образах [Крашенинникова: 110]. «Иногда зеленый цвет наделяется теми же свойствами, что и желтый (по мнению А.Брюкнера, эти два цвета в древности не различались...). <...> По этнографическим материалам XIX–XX вв., в славянской поминальной обрядности зеленый и желтый взаимозаменяемы» [Усачева 2008: 153]. Интересно, что зеленый в традиционной культуре может противопоставляться одному из ядерных цветов – красному: «...зеленый цвет в гаданиях мог иметь отрицательные коннотации, например, в случае противопоставления ему красного цвета, символизирующего любовь, проявление сильных чувств» [там же: 152].

На периферии находятся оттенки основных цветов.

Некоторые основные цветообозначения не встречаются в составе фразеологизмов, в диалектных материалах Пермского края это колоративы *фиолетовый* и *оранжевый*. Отсутствие их объясняем поздним формированием самостоятельных понятий о таких цветах (об этом свидетельствует, в частности, этимология лексем), а также (гипотетически) тем, что взгляд русского крестьянина, по общим наблюдениям, отличался прагматичностью, а фиолетовый и оранжевый по тем или иным причинам не воспринимались как значимые дифференциальные признаки. При этом *оранжевый* не фиксируется, но представление о нем всё же передается – через иные словарные единицы, ср.: *черёмная жагра (палка, собака)* ‘о рыжеволосом человеке, животном рыжего окраса’, а также *жёлтый цветок* и *красная ромашка* ‘пижма’.

В эргонимах обнаруживаем иную триаду: «зелёный – белый – золотой». Показательно, что наши наблюдения соотносятся с наблюдениями, которые делают исследователи эргонимии иных российских городов. Это позволяет утверждать, что на пермском материале нами обнаруживаются явления уже закономерные, но не случайные в российском ономастическом пространстве. Так, А.М.Емельянова констатирует безоговорочное лидерство компонентов *белый* и *золотой* в наименованиях деловых организаций г. Уфы: «В картотеке эргонимов г. Уфы обнаружено достаточно большое количество наименований, имеющих в своем составе наименование цвета, в основном белого и золотого» [Емельянова 2007: 127]. Ссылаясь на мнение Р.М.Фрумкиной и В.Тэрнера, исследователь относит данные цвета к основным, отмечает, что «белый – это символ бытия, мира, жизни», называет «белый и золотой (жёлтый) божественными цветами, выражающими благо, истину, счастье, добро, познание, гармонию», говорит об их информативной и эстетической функции [там же 2007: 126–127]. Ономастологом данный факт интерпретируется как способ создания положительного образа предприятия; иными словами, авторы эргонимов преследуют рекламные (прагматические) цели. По нашему мнению, именно то, что номинаторы обращаются при этом к иным ассоциациям, представлениям, образам в сознании потребителей данных наименований, нежели создатели народной фразеологии, свидетельствует о смене цветовых предпочтений в современной культуре.

Полагаем, что ядерная структура формируется теми названиями цветов, которые традиционно выступали как сопутствующие (это, так сказать, «цвета второго плана») – *зелёный* и *жёлтый* (репрезентируемый по преимуществу как золотой). При том, что *белый* сохраняет свои позиции, *чёрный* и *красный* едва ли не единичны в своем употреблении. В качестве второстепенных начинают выступать общие, не конкретизированные, понятия (*колор, колер, цвет* и под.). На периферии по-прежнему остаются оттенки основных цветов.

Приведем также сравнительные данные для современного русского литературного и иностранного (испанского) языков.

В диссертации Е.Ю.Бережных, посвященной общерусской и испанской фразеологии с цветообозначениями, обнаруживаем: «По нашим наблюдениям, в цветофразеологии русского и испанского языков используются основные ахроматические цвета – *чёрный* и *белый*. Самыми

распространенными в данном языковом ареале цветоименований являются в русском языке: *красный, синий, зелёный*; в испанском: *зелёный, красный, серый*. В меньшей степени в русском языке употребляются наименования цвета: *жёлтый, серый, розовый*; в испанском: *розовый*. Использование названий цвета *фиолетовый и коричневый* в составе устойчивых словосочетаний является характерным только для испанского языка в сравнении с русским» [Бережных 2009: 11]. Отличия наших материалов таковы: 1) в них отмечены диалектные лексемы (*бусый, черёмный*), 2) зафиксирована одна ФЕ и один эргоним с обозначением оттенка коричневого цвета (*бурый, бронза*). Но в эргонимии засвидетельствованы также два обозначения понятия *фиолетовый*.

По нашему мнению, сделанные наблюдения демонстрируют, с одной стороны, актуальность универсалий в языке (в традиционной терминологии – «цветовых универсалий», в терминологии Вежбицкой – «универсалий зрительного восприятия», см. об этом [Вежбицкая 1996]); так характеризуется в целом наполнение тематической группы «Цвет». С другой – то, что актуализация цветов в разных языках, в различные эпохи неодинакова; как следствие, распределение названий цветов и их оттенков в тематическом поле «Цвет» нестабильно.

Фразеология пермских говоров непосредственно отражает традиционную картину мира русского крестьянина. Со всей очевидностью эргонимы демонстрируют значительнейшие подвижки, произошедшие в языковой картине мира современных горожан. Основная причина – изменение функционально-коммуникативной нагрузки колоративов в представлениях носителей городской культуры в сравнении с традиционными представлениями русских.

В этой связи возникает закономерный вопрос о том, как данный факт плана выражения проявился на уровне плана содержания, культурно-семиотически – при наполнении понятий, обозначающих цвета, в народной и современной городской языковой картине мира. Данный аспект определяет перспективу нашего исследования. Углублению выводов о различиях в традиционном и городском мировоззрении будет способствовать также привлечение иных материалов с цветовыми компонентами.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке АВЦП «Развитие научного потенциа-

ла высшей школы» (РНП 2.1.3/483, РНП 2.1.3/2175), РГНФ (проект № 11-34-0330а2).

² Подробнее о специфике функционирования эргонимов в топонимическом пространстве г. Перми см.: [Богачева 2009].

Список источников

Желтые страницы СНГ – бизнес-справочник предприятий. URL: <http://www.ypag.ru/showcomp.php?baza=1&search=%EF%EE%E8%F1%EA&state=1300> (даты обращения: 05–08.08.2009, 11–12.06.2011).

Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Усолье; Соликамск; Березники; Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. 360 с.

Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2002. 432 с.

Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области. Пермь, 1984–2011. Вып. 1–6.

Словарь пермских говоров: в 2 т. Пермь: Кн. мир, 2000–2002.

Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

Словарь русских говоров севера Пермского края. Пермь, 2011. Вып. 1: А–В. 364 с.

Словарь русских говоров Южного Прикамья / И.А.Подюков (науч. ред.), С.М.Поздеева, Е.Н.Свалова, С.В.Хоробрых, А.В.Черных; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2010. Вып.1. 456 с.

Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье. Ч.III. Словарь хрононимов. Пермь: Изд-во «Пушка», 2010. 280 с.

Список литературы

БАС – Большой академический словарь русского языка. М.; СПб.: Наука, 2004–2010. Т.1–14. (Продолжающееся издание).

Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 288 с.

Бережных Е.Ю. Цветообозначения и их символика в русском и испанском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 24 с.

Берлин Б., Кей П. Основные цвета: их универсальность и видоизменения. М., 1969. 520 с.

Богачева М.В. Эргонимы с компонентами тематической группы «Цвет» // Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования / ред. Е.Н.Полякова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. С.183–193.

Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Рус. словари, 1996. С.231–291.

Емельянова А.М. Цветовая символика в эргонимах г. Уфы // В.А.Богородицкий: научное наследие и современное языковедение: труды и материалы Междунар. науч. конф. Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И.Ульянова-Ленина, 2007. Т.1. С.126–128.

Крашенинникова Ю.А. Символика цвета в русских свадебных приговорах // Антропологический форум. № 14 online. С. 98–115. URL: <http://antropologie/kunstkamera.ru/files/pdf/014online/krashenninnikova.pdf> (дата обращения: 16.06.2011).

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В.Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1978. 199 с.

Романова Т.П. Основные тенденции развития современной эргонимической терминологии // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С.217–218.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; СПб.: Наука, 1948–1965.

Усачева В.В. Семиотика зеленого цвета в народной культуре // Усачева В.В. Магия слова и действия в народной культуре славян. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2008. С.146–158.

**VOCABULARY OF THE THEMATIC GROUP «COLOR»
IN FOLK PHRASEOLOGY OF THE PERM REGION AND ERGONYMS OF PERM
(linguistic-cultural aspect)**

Maria V. Bogacheva

Reader of General and Slavonic Linguistics Department
Perm State University

The article addresses the issue of the specificity of color words functioning in traditional folk and contemporary urban culture. The research is done on the data of dialectal phraseology of the Perm region and ergonyms (names of business organization) of Perm. Findings: change in the vocabulary of the thematic group “Color” fixed in reproduced names (phraseological units and proper names); actualization of foreign language vocabulary including barbarisms; redistribution of functional yield of color and shade names. These allowed concluding on changes in the linguistic world-image of contemporary native speakers of the Russian language.

Key words: lexicology; dialect phraseology; onomastics; ergonym; culture-oriented linguistics; colorative; thematic group.